

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов. Всё ли могут короли?	7
--	---

ГЛАВА 1

ЖЕЛТЫЕ ДЕМОНЫ. ЭНТОМОЛОГИЯ ВО ДВОРЦЕ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИКА

Его императорское высочество великий князь Николай Михайлович	13
Долг, порядок и дисциплина	18
Наглядное изучение естествознания	24
Бабочки — объект науки и предмет торговли	27
Два Густава Ивановича — Радде и Сиверс.....	31
Первая научная статья и первый помощник. Гуго Кристоф ...	37
Энтомология — увлечение респектабельное.....	43
Портрет первый. Густав Радде	47

ГЛАВА 2

ЭНТОМОЛОГИЯ В НОВО-МИХАЙЛОВСКОМ ДВОРЦЕ

Дворец на набережной Невы.....	83
Энтомология и энтомологи в России конца позапрошлого века	88
Рождение великокняжеского энтомологического кружка. Отто Герц и Сергей Алфераки.....	97

Кружок расширяется: Григорий Грумм-Гржимайло	104
Бабочки, конкуренция и «немецкий вопрос»	111
«Mémoires sur les Lépidoptères»	117
Любители vs профессионалы	122
Портрет второй. Григорий Грумм-Гржимайло	129

ГЛАВА 3

Из дворца в музей:

ЗАВЕРШЕНИЕ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

«Кружок рассыпается окончательно...»	168
Финансовый авантюрист в Ново-Михайловском дворце	174
Царский подарок Зоологическому музею	179
С благодарностью к сотрудникам	182
Профессионалы vs любители	185
Жизнетворчество	195
Подводя итог	205
Портрет третий. Сергей Алфераки	208
Портрет четвертый. Отто Герц	235
Приложение	257
<i>Исторические документы</i>	258
<i>Основные научные труды великого князя Николая Михайловича</i>	277
<i>Список обществ и учреждений, в которых великий князь Николай Михайлович состоял председателем, покровителем, почетным членом</i>	280
<i>Список сокращений</i>	283
Иллюстрации	284
Примечания	296
Предметно-именной указатель	341

ОТ АВТОРОВ

ВСЁ ЛИ МОГУТ КОРОЛИ?

Многим памятен, наверное, шлягер 80-х гг. прошлого века «Всё могут короли». В самом конце этой задорной песенки выясняется, что могут они не всё, потому что «жениться по любви не может ни один, ни один король»¹. На самом же деле короли много чего не могут. Появиться на свет в монаршей семье — это не только привилегия и счастливый билет, но и большая ответственность, а также целый ряд ограничений и условностей, от которых свободны обычные люди. Даже выбор жизненного пути для августейших персон серьезно ограничен. Это случается и в наши дни, не говоря уже о более патриархальных временах, когда царским ремеслом были почти исключительно война и политика. А что делать наследнику престола, даже далеко не первому в «очереди», если ему хочется посвятить жизнь чему-то другому — стать художником, путешественником или, к примеру, изучать бабочек? Такие желания с трудом совмещаются с образом жизни и занятий, предписанным особе царской крови. Вот почему среди королей, императоров, принцев и султанов настоящего и прошлого не так много тех, кто прославился на поприще науки или искусства.

Сами ученые и художники тоже редко расположены к попыткам царей, а также их родственников и свойственников войти на равных в их профессиональную среду, не имея соответствующих знаний и опыта. При этом покровительство и меце-

натство со стороны августейших особ принимается, разумеется, вполне благосклонно.

С античных времен дошла до нас история о египетском царе Птолемее, задумавшем изучать геометрию под руководством знаменитого математика Евклида. Наука показалась царю весьма трудной, и он попросил наставника упростить ее изучение. «Царских путей к геометрии нет!» — произнес в ответ Евклид.

Но великий математик был прав лишь отчасти. Книга, которую держит в руках читатель, рассказывает об одном редком исключении из утверждения Евклида, которым стал путь в науку нашего героя — представителя семьи Романовых, великого князя Николая Михайловича (1859–1919). Но в его случае речь идет не о легкости познания науки, а о возможностях представителя правящей династии реализовать себя на этом поприще. Николай Михайлович смог стать полноправным членом научного сообщества, признанным специалистом в двух далеких друг от друга дисциплинах — отечественной истории и лепидоптерологии (раздел энтомологии, изучающий бабочек, отряд *Lepidoptera*). Он — автор целого ряда научных публикаций, актуальных и востребованных до сих пор. При этом успехи Николая Михайловича в области энтомологии (высоко оцененные профессионалами) долгое время оставались как бы в тени его исторических исследований. Памятником лепидоптерологическим занятиям Николая Михайловича стала одна из крупнейших в мире частных коллекций бабочек, переданная им в 1900 г. в дар Зоологическому музею Императорской Академии наук. А собранный великим князем коллектив помощников и единомышленников в последние десятилетия XIX в. являлся одним из важнейших центров науки о насекомых в нашей стране.

Занимаясь историей энтомологических штудий Николая Михайловича, мы изучили обширную литературу о великом князе и архивные документы. С течением времени сюжет о том, как Николай Михайлович увлекся коллекционированием бабо-

чек и что из этого получилось, обрастал многочисленными деталями и подробностями. В эту орбиту оказались втянуты известные и не очень известные личности — от императора Николая II и писателя Владимира Набокова до скромных любителей-энтомологов и натуралистов, имена которых сегодня, к сожалению, мало что говорят простому читателю.

Опубликовав несколько статей в научных журналах, адресованных узким специалистам, мы решили, что история великого князя — ученого-энтомолога и коллекционера бабочек — заслуживает более широкого освещения. Не менее интересна история самой коллекции и людей, которые помогли великому князю сделать любительское увлечение научным занятием. Все это может привлечь внимание не только профессиональных историков, но и широкой читающей публики — всех, кого интересует энтомология и/или история российского императорского дома. Так появилась на свет эта книга.

Не все детали биографии Николая Михайловича и истории его лепидоптерологического увлечения нам известны, не на все вопросы мы смогли найти ответы. Однако мы старались при написании книги не заполнять пробелы в своих знаниях фантазиями и допущениями, а если высказывали собственные предположения, то опирались на известные факты или исторические источники. Поэтому в книге много ссылок на публикации и архивные документы. К ним может обратиться любой читатель и либо принять наше мнение, либо составить свое собственное. За это мы признательны издательству «Альпина нон-фикшн», редакторы которого не только не боятся давать в книгах многочисленные ссылки, но и настаивают на обоснованности приводимых утверждений. Далеко не все авторы и издатели научно-популярных книг следуют этому правилу, лишая читателей возможности оценить достоверность изложенного материала².

Важное значение при подготовке книги имели воспоминания и мемуары лиц, близко знавших Николая Михайловича,

и их переписка³. Эти материалы позволили взглянуть на закули-
сье научной повседневности великого князя, наполнить живыми
эмоциями ее событийное и смысловое содержание. Чтобы
создать эффект погружения в прошлое, мы старались цитиро-
вать подлинные документы и личные свидетельства — на наш
взгляд, это лучше любых пересказов или анализов передает
дух эпохи и характер героев повествования. Немало ценного
для понимания причин увлечения бабочками в различных
слоях русского общества, сути и особенностей коллекторской
работы содержится в произведениях писателя и профессио-
нального энтомолога Владимира Набокова «Другие берега»
(1954) и «Дар» (1938). Полные лепидоптерологических сюжетов
и мотивов, они стали одними из наших проводников в мир
чешуекрылых и их исследователей.

Сам Николай Михайлович, как историк, ценность днев-
ников и мемуаров вполне понимал и в конце жизни написал
воспоминания о прожитых годах. Они были опубликованы
уже после революции в журнале «Красный архив». К нашему
сожалению, эти тексты посвящены не лепидоптерологии, а дру-
гим, не менее интересным темам: встречам со Львом Толстым,
событиям Первой мировой войны, убийству Григория Рас-
путина, Февральской революции⁴.

Конечно, воспоминания, особенно написанные много лет
спустя после рассматриваемых событий, не всегда являются
надежным источником. И не только потому, что их авторы
склонны иногда лукавить, расставляя акценты так, чтобы пред-
ставить себя в выгодном свете, а то и просто дезинформиро-
вать читателя. Сама природа человеческой памяти допускает
бессознательные искажения и аберрации. Вспоминается выска-
зывание авторитетного французского историка Марка Блока
(1886–1944), который писал: «Даже самые наивные полицей-
ские прекрасно знают, что свидетелям нельзя верить на слово.
Но если всегда исходить из этого общего соображения, можно
вовсе не добиться никакого толка»⁵. Поэтому авторы серьез-

ных исторических трудов обязательно сверяют содержащуюся в мемуарах информацию с другими источниками. Так же поступали и мы.

Еще нужно сказать, что авторы этой книги не имеют профессионального отношения к бабочкам и лепидоптерологии. Максим Винарский — зоолог и историк биологии, но как зоолог он специализируется на изучении моллюсков, а не чешуекрылых. Татьяна Юсупова — историк, специалист по международным связям отечественной Академии наук и российским исследованиям Центральной Азии в XIX — начале XX в. Наверное, отсутствие глубоких знаний о бабочках лишило наше повествование деталей, которые мог бы акцентировать профессиональный лепидоптеролог. Но, с другой стороны, «энтомологический дилетантизм» позволяет нам не поддаваться неизбежным для любого специалиста личным склонностям и пристрастиям к своим объектам исследований. Поэтому мы не ставили своей целью погружение в профессиональные тонкости лепидоптерологии, а сосредоточились на Николае Михайловиче как коллекционере бабочек и людях, помогавших ему профессионально реализоваться. Мы старались, чтобы в этой истории яркая, социально значимая фигура Николая Михайловича не заслонила его помощников. Все они были личностями незаурядными, каждый по-своему интересен и оригинален. В книге мы даем портреты четырех из них — самых близких, внесших наибольший вклад в становление и деятельность Николая Михайловича как исследователя, а также в формирование его коллекции бабочек. Это Г. И. Радде, Г. Е. Грумм-Гржимайло, С. Н. Алфераки и О. Герц.

В качестве приложения к основному тексту мы решили поместить в конце книги несколько архивных документов, помогающих, на наш взгляд, глубже понять героев, их взаимоотношения и историческую эпоху, в которой происходит действие рассказа.

Краткие сведения о Николае Михайловиче содержатся во многих книгах и статьях, посвященных династии Романовых.

Одной из первых, кто обратился к личности великого князя, была доктор исторических наук Диляра Ибрагимовна Исмаил-Заде⁶. Но подробная биография нашего героя еще не написана⁷. Мы рассмотрели только один сюжет сложной канвы его жизни: деятельность исследователя-энтомолога и создание энтомологического кружка. Нам очень хотелось бы надеяться, что наш скромный труд побудит других исследователей написать о нашем герое историческую монографию, в которой во всей полноте прослеживались его жизнь и многочисленные стороны его незаурядной личности.

При работе над книгой мы пользовались советами и помощью наших коллег: историков, историков науки, биологов. Всем им мы выражаем искреннюю признательность. Мы также благодарны сотрудникам Государственного архива РФ, Российского государственного исторического архива, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Архива Русского географического общества, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки за помощь в выявлении материалов по теме нашего исследования. Особая признательность научному редактору книги кандидату исторических наук Е. В. Пчелову за критические замечания и предложения по подготовке рукописи, которые мы в силу своих способностей и возможностей постарались учесть.

ГЛАВА 1

ЖЕЛТЫЕ ДЕМОНЫ. ЭНТОМОЛОГИЯ ВО ДВОРЦЕ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИКА

Удар сачка, — и в сетке шелест громкий.
О, желтый демон, как трепещешь ты!
Боюсь порвать зубчатые каемки
И черные тончайшие хвосты.
Нацелишься, — но помешают ветки;
Взмахнешь, — но он блеснул, и был таков,
И сыплются из вывернутой сетки
Лишь сорванные крестики цветов...

В. НАБОВ.
БАБОЧКИ (1917–1922)

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Герой нашей книги — хорошо известная историческая фигура. Многогранная деятельность, яркие события и громкие скандалы наполняли его жизнь. Он был успешным военным, ученым, коллекционером, путешественником, охотником, издателем, предпринимателем, политиком, щедрым меценатом и даже азартным игроком в рулетку.

Художник Александр Бенуа в своих мемуарах оставил нам его выразительный словесный портрет: «Высокого роста, чуть сутулый <...> красивое, значительное лицо было несколько восточного типа (в иллюстрациях детских сказок такими обычно изображаются всякие татарские ханы или индийские принцы и раджи) <...> статная и склонная к полноте, но все же стройная и очень эффектная фигура...»¹

Современники считали его самым интеллектуальным и эрудированным из членов царской фамилии, сторонником весьма либеральных взглядов на политику и фрондером, не боявшимся открыто высказывать свое мнение. «Язык мой без костей, я могу вспылить и наговорить дерзостей, но я не боюсь ни людей, ни клеветы; многому научился в молодых годах и научился в зрелом возрасте, ровно ничего не ищу, но хотел бы принести действительную пользу тебе и нашей дорогой России»² — так писал Николай Михайлович о себе и собственном жизненном кредо своему двоюродному племяннику, последнему российскому императору Николаю II. Императрица Александра Федоровна, супруга Николая, считала нашего героя своим «величайшим врагом в семье», «опасным элементом» и «воплощением всего дурного». И в конце концов она добилась от мужа его высылки из столицы в имение, расположенное в Херсонской губернии³. Это произошло в канун нового, 1917 г., когда Российской империи оставалось существовать чуть более двух месяцев...

В начале 1919 г. большевики вынесли смертный приговор Николаю Михайловичу. О его помиловании хлопотал перед Лениным самый пролетарский писатель Максим Горький. Он доказывал, что нет никакой необходимости убивать автора ценных исторических трудов, «передовой образ мысли» которого всем прекрасно известен. С таким же прошением к правительству обратилась и Российская академия наук, почетным членом которой с 1898 г. был наш герой. Но Ленин остался непреклонен. Ответ вождя: «Революция не нуждается в историках!» — решил

судьбу арестованного. Вместе с тремя другими великими князьями он был расстрелян⁴. Об этом рассказывает великий князь Александр Михайлович — один из двух его братьев, которым посчастливилось избежать жерновов красного террора и дожить до того возраста, когда люди садятся писать мемуары⁵.

Через пять лет после гибели героя нашей книги один советский историк в идеологически ангажированной и очень пристрастной статье писал о нем как о «более развитом», чем прочие, но при этом «одном из наиболее зловредных» представителей «плюгавой семейки» Романовых, носившей, по его словам, «явные следы умственного и психического вырождения»⁶. (Заметьте, как совпали оценки советского историка и покойной супруги Николая II!)

Все это сказано и написано о великом князе Николае Михайловиче, родившемся 14 апреля 1859 г. (по старому стилю) и погибшем в Петропавловской крепости в Петрограде в январе 1919 г.⁷

Век спустя оценки и высказывания стали куда более взвешенными.

Сегодня мы знаем Николая Михайловича как признанного специалиста по истории России XIX в., автора многих книг и составителя сборников ценных архивных документов⁸. Николай Михайлович — практически единственный представитель династии Романовых, который добился значительных научных результатов и может быть без всяких оговорок и натяжек назван состоявшимся ученым. Из других членов августейшей фамилии в этом отношении с ним мог сравниться только его младший брат, великий князь Георгий Михайлович — увлеченный нумизмат, автор фундаментального труда «Корпус русских монет XIII–XIX вв.»⁹. Но если научные интересы Георгия Михайловича были сосредоточены почти исключительно на нумизматике, то его старший брат кроме исторической науки смог внести заметный вклад и в совершенно другую область знания — энтомологию. Он собрал одну из крупнейших в мире частных коллекций бабочек и опубликовал о них ряд научных

трудов. Два увлечения, две столь далекие друг от друга сферы — наука о насекомых и история государства Российского! Как они совмещались в голове и поступках сиятельного аристократа, родившегося и проведшего жизнь у ступеней царского трона?

Помимо научных занятий Николай Михайлович, как и большинство представителей царствующего дома, покровительствовал различным учреждениям, включая и научные общества. Он был также председателем Императорских Русского географического (с 1892 г.) и Русского исторического (с 1910 г.) обществ, почетным председателем Русского энтомологического (с 1881 г.) и Русского военно-исторического (с 1908 г.) обществ, председателем Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (с 1910 г.), почетным членом Московского археологического института (с 1908 г.), почетным председателем Общества друзей Румянцевского музея (с 1913 г.), покровителем Уральского общества любителей естествознания (с 1911 г.)¹⁰. И это далеко не полный перечень научных обществ дореволюционной России, главой и покровителем которых являлся великий князь.

Руководство и покровительство Николая Михайловича не было формальным. Высочайший патрон глубоко вникал в дела опекаемых им обществ, помогал развивать их деятельность, выступал как меценат. Благодаря его финансовой поддержке Русское энтомологическое общество (РЭО) и Русское географическое общество осуществили целый ряд крупных экспедиций.

Когда в 1915 г. скончался великий князь Константин Константинович, с 1889 г. занимавший пост президента Императорской Академии наук, именно Николаю Михайловичу было предложено занять его место. Он отказался, причем дважды. «Это дело положительно не по мне: я это чувствую нюхом», — объяснил он свой поступок в письме к императору и рекомендовал назначить на эту должность кого-нибудь, не принадлежащего к царствующему дому¹¹.

Известен нам Николай Михайлович и как политик, деятельный участник «великокняжеской оппозиции», стремившейся отстранить от управления страной Григория Распутина. Он один из немногих членов семьи Романовых отваживался говорить Николаю II правду о губительном влиянии фаворита императрицы на проводимую им политику¹². Отсюда и ярость Александры Федоровны, и вынужденный отъезд Николая Михайловича в имение как раз накануне великих событий, сокрушивших династию.

Но наша книга не о политике, не о революциях. Не о бурном потоке истории, подхватившем однажды нашего героя и понесшем его, как щепку, навстречу неотвратимому. В мае 1917 г. в разговоре с французским послом в России Морисом Палеологом он бросил фразу: «Не могу же я забыть, что я висельник!»¹³ Как специалист, хорошо знавший бурные повороты истории государства Российского, Николай Михайлович не мог не понимать свою обреченность. Понимал, хотя и надеялся до последнего, что новая власть позволит ему вести жизнь обычного человека, не занимающегося политикой и целиком ушедшего в архивные изыскания. Даже в тюрьме, в ожидании собственной участи, он работал, готовил монографию о Михаиле Сперанском — российском реформаторе эпохи Александра I.

Мы почти не будем касаться событий бурного и кровавого XX в., сосредоточившись на первой половине жизни великого князя (1860–1890-е гг.), на которую пришлось самые спокойные, плодотворные и счастливые ее годы. Годы становления, когда он выстраивал систему личных ценностей, определял свои приоритеты, свое жизненное призвание. Больше всего нас интересовало, каким образом великий князь Николай Михайлович добился немалых успехов в энтомологии, не порывая со своей средой и не отказываясь от блестящей военной карьеры, уготованной ему с рождения. Как ему это удалось? Приступим к нашему рассказу.

ДОЛГ, ПОРЯДОК И ДИСЦИПЛИНА

Великий князь Николай Михайлович родился 14 апреля 1859 г. в Царском Селе и приходился внуком императору Николаю I. Спустя три года его отец, великий князь Михаил Николаевич (1832–1909), был назначен наместником на Кавказ и командующим Кавказской армией. На юг, в Тифлис (современный Тбилиси), за ним последовала и вся семья. У юного Николая было пятеро младших братьев и одна сестра: Михаил (1861–1929), Георгий (1863–1919), Александр (1866–1933), Сергей (1869–1918), Алексей (1875–1895) и Анастасия (1860–1922). Их детство и юность прошли в Тифлисе и в боржомском имении отца. Дети кавказского наместника росли под южным солнцем, среди субтропической природы, куда более роскошной и разнообразной, чем на берегах холодной Балтики. Поездки за пределы Кавказа и Крыма были нечасты.

В 1864 г. Михаилу Николаевичу удалось успешно завершить войну с кавказскими племенами, тянувшуюся к тому времени уже целых шесть десятилетий. Образ дикого и первобытного Кавказа, воспетого русскими классиками Пушкиным, Лермонтовым, Львом Толстым, стал постепенно уходить в прошлое. В Тифлисе рядом с беспорядочным нагромождением мелких лавочек и базаров, кустарных мастерских и серных бань, описанных Пушкиным¹⁴, выросли кварталы современных зданий и государственных учреждений. Были выстроены театры, больницы, гимназии, училища, ботанический сад. В январе 1867 г. в городе открылся Кавказский музей, который уже через 15 лет, по мнению его директора Густава Радде (об этом замечательном человеке мы подробнее расскажем далее), стал лучшим из всех провинциальных музеев России¹⁵. При этом Радде отмечал, что Тифлис имел «вид большого города с европейским типом на одной половине и совершенно азиатским характером — на другой»¹⁶. Из окон дворца кавказского наместника, располагавшегося на главном проспекте города — Головинском (ныне проспект Руставели), его дети могли наблюдать представителей

разных кавказских народностей и картины своеобразного восточного быта. Это была другая Россия, и географически, и этнографически далекая от столичного чиновного Петербурга и от патриархальной купеческой Москвы. Это во многом был еще типичный «восток», южный фронт империи, откуда вели дороги в более экзотические для русского человека страны — Турцию, Персию, Индию...

В гостеприимном доме кавказского наместника за обеденным столом собиралось ежедневно не менее 30–40 человек: официальные лица, восточные властители, общественные деятели, офицеры, учителя и воспитатели юных князей, другие гости. Дети Михаила Николаевича обязательно присутствовали за общим столом¹⁷. Жизнь в атмосфере, не пропитанной казенным столичным духом, наполненная общением с самыми разными людьми, знакомство с их мнениями и проблемами, несомненно, повлияли на личностное становление великих князей Михайловичей, как их называли августейшие родственники. Они были более вольнолюбивы, не столь консервативны в своих взглядах, чем большинство их сверстников из числа великих князей. В семье Романовых Михайловичи составили несколько обособленную группу «кавказцев», нередко вступавших в конфликты и оппозицию с великими князьями — «северянами»¹⁸. Родственники считали их опасными радикалами, и совсем не напрасно. В юности Михайловичи даже задумывались, не устроить ли им бунт против Петербурга, отделить Кавказ от России и самостоятельно править этим благодатным, очаровавшим их краем¹⁹. Повзрослев, Николай Михайлович стал противником абсолютизма и сторонником либеральной парламентской республики во французском духе и «часто забывал, что Невский проспект и Елисейские Поля — это далеко не одно и то же»²⁰.

Только наивный человек может подумать, что рождение в великокняжеской семье давало привилегию на самую беззаботную и полную удовольствий, обеспеченную жизнь.

Итальянское *dolce far niente* (сладкое ничегонеделанье) было уделом неаполитанских нищих, а не сыновей кавказского наместника.

Соответственно действовавшему в Российской империи «Учреждению об Императорской фамилии»²¹, великие князья были обязаны нести воинскую или государственную службу на пользу Отечества. Этой цели подчинялись их воспитание и образование. Впервые целостную систему воспитательных принципов и программу образования юных великих князей разработал поэт В. А. Жуковский для детей Николая I. В ее основу были положены формирование высоких нравственных идеалов, развитие самодисциплины и организованности, курс общеобразовательных предметов, физическая подготовка и углубленное изучение военной науки²². Пройдя такую выучку, сын Николая I великий князь Михаил Николаевич следовал этим принципам и в деле воспитания собственных детей. Как и его отец, он лично следил, чтобы «его дети были воспитаны в военном духе, строгой дисциплине и сознании долга»²³. Никаких нежностей и сюсюканья. Никаких поблажек. Даже их мать Ольга Федоровна (1839–1891), урожденная немецкая принцесса Цецилия-Августа Баденская, держала себя с сыновьями по-аристократически холодно.

Согласно традиции, достигнув семилетнего возраста, юные великие князья получали на день рождения свой первый мундир и саблю, что означало начало их военной службы. Из отдельной детской их переводили в общую с другими братьями комнату, больше напоминающую казарму. С этого дня воспитание великих князей «было подобно прохождению строевой службы в полку»²⁴, со всеми присущими этому делу строгостями.

Чтобы лучше понять, в каких условиях и какими методами воспитывался наш герой, как выковывались его личность и характер, обратимся к мемуарам его младшего брата, великого князя Александра Михайловича, впервые опубликованным в 1930-х гг. за границей.

Строки из его воспоминаний более чем показательны:

Мы спали на узких железных кроватях с тончайшими матрацами, положенными на деревянные доски <...> Нас будили в шесть часов утра. Мы должны были тотчас вскакивать, так как тот, кто рискнул бы «поспать еще пять минут», наказывался самым строжайшим образом... Наш утренний завтрак состоял из чая, хлеба и масла. Все остальное было строго запрещено, чтобы не приучать нас к роскоши²⁵.

По своему статусу великие князья не могли учиться вместе с детьми простых смертных. Их обучали дома специально приглашаемые учителя под наблюдением прикрепленного к каждому князю наставника-воспитателя. Михайловичи изучали все дисциплины, которые включал тогдашний гимназический курс, в том числе несколько иностранных языков (французский, английский, немецкий) и музыку. Николай и его брат Михаил учили также латинский и греческий языки. И здесь дисциплина и требовательность были высочайшими. Александр Михайлович вспоминает:

Из-за малейшей ошибки в немецком слове нас лишали сладкого. Ошибка в вычислении скоростей двух встречных поездов — задача, которая имеет для учителей математики особую притягательную силу, — влекла за собою стояние на коленях носом к стене в течение целого часа <...>

Ровно в девять мы должны были идти в нашу спальную, надевать длинные белые ночные рубашки, <...> немедленно ложиться и засыпать. Но и в постелях мы оставались под строгим надзором. Не менее пяти раз за ночь дежурный наставник входил в нашу комнату и окидывал подозрительным взглядом кровати, в которых под одеялами лежали, свернувшись, пятеро мальчиков.

Около полуночи нас будило звяканье шпор, возвещавшее приход отца. На просьбы моей матери нас не будить,

отец отвечал, что будущие солдаты должны приучаться спать несмотря ни на какой шум.

— Что они будут делать потом, — говорил он, — когда им придется урывать несколько часов для отдыха, под звуки канонады?²⁶

Параллельно с предметами гимназического курса юных великих князей обучали фехтованию, верховой езде, обращению с огнестрельным оружием, штыковой атаке и другим тонкостям военного дела. Эффективность их подготовки была такова, вспоминает Александр Михайлович, что уже в 10-летнем возрасте он мог бы поучаствовать «в бомбардировке большого города» (имеется в виду артиллерийский обстрел)²⁷.

Подобные педагогические методы не представляли собой чего-то исключительного в царствующих домах той эпохи. Александр Михайлович пишет, что «...все монархи Европы, казалось, пришли к молчаливому соглашению, что их сыновья должны быть воспитаны в страхе Божьем для правильного понимания будущей ответственности перед страной»²⁸. И добавляет, что воспитание его и его братьев было еще мягким в сравнении с тем, которому подвергались дети в германской императорской фамилии.

Для сыновей великого князя Михаила Николаевича альтернативы военной службе не было. Причем род войск, где им служить, определял их отец. Даже робкая мысль кого-то из наследников о том, что он хочет посвятить свою жизнь чему-то другому, немедленно пресекалась. Александр Михайлович описывает такой случай:

Брат Георгий как-то высказал робкое желание сделаться художником-портретистом. Его слова были встречены злобющим молчанием всех присутствующих, и Георгий понял свою ошибку только тогда, когда камер-лакей, обносивший гостей десертом, прошел с малиновым мороженым мимо его прибора²⁹.

Воинский дух, патриотизм, сознание своего долга отличали всех великих князей Михайловичей. Много позже, в начале Первой мировой войны, один из них, Михаил, напишет Николаю II: «Ты вспомнишь, когда мы оба служили в 1-й Гвардейской пехотной дивизии, как я обожал военную службу, каким ярким военным я был и какая военная карьера у меня лежала впереди...»³⁰ В другом письме тому же адресату он назовет себя «старый кавказец <...> воспитанный моим незабвенным драгоценным покойным папá до глубины моих костей в старом военном духе...»³¹.

Надо сказать, что далеко не всем Михайловичам удалось сделать успешную военную карьеру. Михаил из-за морганатического брака, не дозволенного государем-императором, в 1891 г. вынужден был покинуть Россию и с тех пор проживал в основном за границей. Разгневанный Александр III лично запретил ему въезд на родину³². Георгию, приписанному отцом к кавалерии, пришлось оставить службу из-за больной ноги и посвятить жизнь нумизматике и Русскому музею. Самый младший брат, Алексей, умер в 20-летнем возрасте. Зато Александр дослужился до адмирала флота, а Сергей — до генерала от артиллерии.

Николай Михайлович, или Бимбо (его семейное прозвище, в переводе с итальянского «ребенок, детка»), как старший сын кавказского наместника в полной мере испытал на себе воспитание «в старом военном духе», сторонником которого был его отец. Формально его военная карьера началась в момент появления на свет. В самый день своего рождения он был назначен «шефом 3-й Гвардейской и Гренадерской артиллерийских бригад» и приписан к лейб-гвардии Конно-гренадерскому полку. В возрасте 11 лет юный великий князь становится шефом 82-го пехотного Дагестанского полка. Его реальная военная служба началась в мае 1877 г. с прикомандирования к Кавказской учебной роте. В этом же году Николаю Михайловичу в чине поручика довелось участвовать в боевых действиях в Закавказье в ходе русско-турецкой войны. И далее его военная карьера шла по возрастающей. Почти каждый год приносил ему новые

должности и новые знаки отличия. В 1881 г. он был зачислен в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк; в 1882–1885 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба; в 1885 г. зачислен в Кавалергардский полк. С 1894 г. военная служба Николая Михайловича была связана с Кавказом — его назначили командиром Мингрельского полка, расквартированного в Тифлисе, а в 1897 г. — командующим Кавказской гренадерской дивизией. В мае 1896 г. он был произведен в генерал-майоры, в августе 1901 г. — в генерал-лейтенанты. Военная карьера великого князя закончилась в 1903 г. назначением генерал-адъютантом к императору Николаю II³³. Началась его придворная служба.

Николай Михайлович с ответственностью, воспитанной в нем с малолетства, выполнял возложенные на него обязанности на всех должностях. За время службы он не подвергался ни наказаниям, ни взысканиям, ни «судебным приговорам в дисциплинарном порядке»³⁴.

Все это вполне понятно. Непонятно другое. Каким образом юный Николай Михайлович заинтересовался коллекционированием насекомых, и притом настолько серьезно, что увлечение детства стало подлинной страстью его императорского высочества в молодые годы? Как проникли эти легкомысленные бабочки в спартанскую атмосферу дворца кавказского наместника?

Мемуары брата Александра об этом ничего не сообщают.

Придется нам строить гипотезы и предположения, естественно постоянно сверяясь с фактами, известными из исторических документов.

НАГЛЯДНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Одну из подсказок дает нам сам Николай Михайлович. В его бумагах в Российском государственном историческом архиве сохранилась интересная, но, увы, оборванная на полуслове «Записка о пользе и вреде коллекционирования». Приведем этот короткий текст полностью.

Для собирателей

Как является страсть собирания?

Сколько детей на земном шаре собирают почтовые марки. В воспитательном отношении эта забава поощряется родителями и учителями, *как наглядное изучение географии* (курсив наш. — М. В., Т. Ю.). Редко в последующем возрасте эта мания сохраняется, но самый факт собирания оставляет след в воображении подростков, и они невольно, сами это не замечая, продолжают интересоваться всякими коллекциями, посещают выставки и останавливаются у витрин магазинов, где рассматривают макеты, денежные бумажки, словом, всякую всячину. То же самое замечается при собирании насекомых, жуков или бабочек. Отдельными лицами сохраняется страсть и в зрелом возрасте, а иногда из них вырабатываются великие путешественники, энтомологи и т.д. В некоторых семьях даже замечается наследственная страсть собирания и передается из рода в род.

Польза и вред собирания

В воспитательном отношении собирание коллекций имеет хорошие стороны, т.к. приучает ребенка к наблюдению, развивает любознательность и дома или на прогулке воображение его работает. Начав с почтовых марок или насекомых, подросток интересуется описаниями, картинками, чтением и часто делается любителем книжек. Если средства у родителей ограничены, то собирателю приходится невольно сокращать расходы и сдерживаться, *в противном случае самообразование делает успехи* (курсив наш. — М. В., Т. Ю.)³⁵.

Резонно думать, что эта записка автобиографична. Вполне вероятно, что она возникла как результат осмысления великим князем собственного опыта собирателя-коллекционера — и не только бабочек, но и русской портретной живописи. Записка не датирована, однако мы полагаем, что она написана в начале XX в.

В 1884 г. в своей работе о чешуекрылых Кавказа Николай Михайлович упомянул, что увлекся энтомологией в возрасте 11 лет³⁶, то есть в 1870 г., собирая бабочек в «моменты досуга» в Тифлисе и особенно в Боржоми. Позже, в письме к президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу, он сообщал, что собирать коллекцию (видимо, речь шла уже о целенаправленных сборах) начал с 1873 г.³⁷

Вероятно, первым стимулом, пробудившим интерес юного князя к насекомым, стала богатая и разнообразная природа Кавказа, его уникальная фауна. Мы позволим себе предположить, что этот интерес Николая Михайловича укрепился в ходе «наглядного изучения» естествознания. Возможно, этому способствовал кто-то из его наставников, гимназических учителей, приглашенных для обучения юных великих князей на дому. Скорее всего, уже первые попавшие в коллекцию насекомые пробудили у ребенка искренний интерес к живой природе, совпавший с какими-то чертами его характера, врожденными склонностями. На Кавказе обитает много крупных, ярко окрашенных видов бабочек — пестрых, желтых, лазоревых и иных «демонов», как их назвал в своем стихотворении Владимир Набоков. Они хорошо смотрятся не только в естественной среде обитания, но и в стеклянном ящике, высушенные и насаженные на булавки. Многие из них служили и по сей день служат предметом вожделения коллекционеров.

Прямо напротив резиденции Михаила Николаевича находилось новое здание Кавказского музея — центра по изучению живой природы Кавказа. В нем хранились коллекции животных и гербарии³⁸. Возможно, они тоже сыграли какую-то роль в становлении энтомологического интереса великого князя. Как бы то ни было, зерно упало на плодородную почву, проросло и дало прекрасные всходы.

Будущий сотрудник великого князя, натуралист Сергей Алфераки, рассуждая в своей автобиографии о том, как люди становятся исследователями живой природы, утверждает,

что для этого надо непременно «родиться натуралистом». По его мнению, просто захотеть и «сделаться» натуралистом невозможно. Алфераки приводит в пример своих братьев, которые при одинаковом с ним воспитании и домашнем образовании не выказали ни малейшего интереса к естествознанию³⁹. То же самое произошло в семье кавказского наместника. Из всех его детей только старший сын почувствовал в себе склонность к познанию живой природы и огромное стремление посвятить этому всего себя. С осознания своего призвания начинался путь в науку почти всех крупных ученых. Например, известный немецкий историк и социолог Макс Вебер (1864–1920) тоже рассуждал о «демоне», но совсем не том, о котором говорится в стихотворении Набокова. Так он называл призвание, дар, неукротимое внутреннее влечение, ощущаемое в себе человеком. По словам Вебера, заниматься наукой по-настоящему сможет лишь тот, кто «найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни»⁴⁰. Юному Николаю Михайловичу оставалось только прислушаться к своему «демону» и понять, как реализовать свое желание изучать бабочек. И конечно, он должен был учитывать свой статус члена императорской фамилии, а значит, невозможность пойти самым простым путем: получить университетское образование и посвятить жизнь исключительно энтомологии.

БАБОЧКИ — ОБЪЕКТ НАУКИ И ПРЕДМЕТ ТОРГОВЛИ

Царских путей нет не только к геометрии, но и к лепидоптерологии. Коллекционирование бабочек, как и любых насекомых вообще, — это целая наука (или же, правильнее сказать, искусство?), которой надо долго учиться и иметь при этом хороших, опытных наставников. Без знания и умения коллекция превратится в кладбище засушенных, поломанных и бессмысленно загубленных насекомых.

Ловля бабочек в поле — это лишь самая заметная и самая увлекательная в глазах неспециалиста часть работы энтомолога. Пойманных насекомых надо аккуратно умертвить (обычно это делается с помощью эфира в особых баночках, называемых в энтомологическом обиходе «морилками») и доставить неповрежденными до рабочего кабинета. Здесь каждый экземпляр следует аккуратно расправить и на некоторое время зафиксировать в таком состоянии, чтобы бабочка не засохла в скрюченном, ненатуральном виде. Потом ее насаживают на тонкую энтомологическую булавку и помещают в коллекционный ящик, плотно закрытый стеклом, предохраняющим коллекцию от жуков-кожеедов и прочих любителей полакомиться сушеными насекомыми.

Но и это еще не конец работы. Экземпляры в коллекции должны быть снабжены этикетками с указанием даты и места сбора, фамилии сборщика, а главное — точного научного названия вида, к которому насекомое относится. Определение растений и животных (любых, не только бабочек) — особая задача, требующая больших знаний по части научной литературы, а также умения сопоставлять книжные описания видов с реальными экземплярами. При этом необходимо учитывать разного рода отклонения и варианты изменчивости и не делать детских ошибок, когда, например, разноокрашенные самцы и самки одного вида определяются как принадлежащие двум разным видам. Идентификация насекомых — это настолько тонкое и сложное занятие, что ошибки в определении случаются даже у самых больших знатоков.

Наконец, хорошему коллекционеру надо освоиться и с профессиональным языком энтомологии, которым был и остается язык древних римлян. Нужно помнить латинские названия видов, все эти бесчисленные *Pyrgus sidae*, *Parnassius apollonius*, *Vanessa atalanta*, *Erebia aethiops* и им подобные, во множестве присутствующие в справочниках и атласах по энтомологии. Без древнего языка никак не обойтись, потому что далеко не у всех видов чешуекрылых имеются русские названия, а латынь позво-

ляет энтомологам различных стран и наций понимать друг друга без переводчика.

Необходимые умения и навыки коллекционер должен довести до совершенства, если он хочет не только собирать насекомых, но и внести посильный вклад в науку, наравне с признанными специалистами издавать ученые труды. А может быть, даже — если ему повезет — он найдет ранее неизвестный вид бабочки или жука, опишет его и даст название, к которому непременно будет добавлена фамилия первооткрывателя.

Так, если в книге или статье по энтомологии вы встретите латинское название *Colias olga* Romanoff, 1882, — это значит, что данный вид бабочки-желтушки был описан Николаем Михайловичем Романовым в 1882 г. Видовой эпитет *olga* означает, что великий князь назвал открытое им насекомое в честь своей матери Ольги Федоровны. Правила зоологической систематики навечно даруют приоритет открывателя тому, кому удалось найти и описать новый вид или род животных. К сожалению, этот принцип порой стимулирует и мелкое тщеславие, побуждая натуралистов «открывать» и описывать уже существующие виды или выделять новые на очень шатких основаниях, например из-за малозначительных различий в размере или окраске. Как правило, этим грешат натуралисты-любители, хотя случаи подобного рода известны и среди профессиональных ученых. Конечно, такие «фантомные» виды рано или поздно разоблачаются, «сводятся в синонимы», как говорят на своем профессиональном языке зоологи и ботаники. Но даже и в этом случае в любой серьезной работе авторы будут перечислять синонимы со всей возможной полнотой, снова и снова поминая незадачливых или тщеславных «первооткрывателей», иногда спустя века после их кончины.

Без научных знаний не могли обойтись и энтомологи-любители, если хотели, чтобы их коллекция представляла настоящую ценность, а сами они могли обмениваться между

собой насекомыми или приобретать необходимые экземпляры. Во второй половине XIX в. к их услугам существовало много фирм, рассылавших каталоги с перечнем выставленных на продажу экземпляров и ценами на них. В области лепидоптерологии «законодателем мод» выступала крупнейшая в Европе фирма Отто Штаудингера (1830–1900) в Дрездене. Ее владелец был не только предпринимателем, но и известным энтомологом, большим знатоком бабочек. Штаудингер имел прекрасную собственную коллекцию, а также обширную библиотеку по лепидоптерологии. С помощью этих сокровищ он составил «Каталог чешуекрылых Палеарктики», первое издание которого вышло в 1861 г.⁴¹ Каталог очень быстро стал настольной книгой лепидоптерологов, без которой не мог обойтись ни один серьезный коллекционер. У Штаудингера можно было выписать такие редкие виды, которые отсутствовали у всех конкурирующих фирм.

Торговля насекомыми и иными природными объектами стала источником существования для многих небогатых натуралистов того времени. Такая практика не противоречила представлениям о достоинстве ученого, и даже некоторые выдающиеся исследователи прибегали к ней с целью заработка. Одним из них был, например, английский биолог Альфред Рассел Уоллес (1823–1913), открывший независимо от Чарльза Дарвина принцип естественного отбора. Почти всю свою молодость он провел, странствуя по жарким странам, где добывал для продажи разные зоологические редкости: от райских птиц и орангутанов до крупных и ярких тропических бабочек, предмета мечтаний многих европейских коллекционеров. Это позволяло ему не только очень прилично зарабатывать, но и проводить научные изыскания в тропиках, преследуя личный исследовательский интерес⁴².

Николай Михайлович для пополнения своей коллекции также пользовался услугами фирмы Штаудингера, с которым уже в юном возрасте вступил в переписку, приобретая или